ДИСКУССИИ

УДК 81'26
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.07* *Код ВАК 10.02.19*

А. В. Прожилов
Абакан, Россия

ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ: ТРИУМФАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ ИЛИ БЕГ ПО «ЯЗЫКОВОМУ КРУГУ»?

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена критическому анализу научных направлений лингвокультурология и лингвоконцептология, в основу которых легло представление о том, что национальный язык — источник сведений о культуре и о мышлении («менталитете») народа, разговаривающего на этом языке. Показана несостоятельность методологических основ данных дисциплин, базирующихся на гипотезе лингвистической относительности, не обретшей статуса теории в силу своей недоказанности. Термины «лингвоконцепт», «языковая картина мира», «национальный характер», «языковой менталитет» рассматриваются в данной статье под критическим углом зрения. Автор призывает к тому, чтобы данные словосочетания в качестве терминов в научной литературе не употреблялись как не имеющие отношения к науке. В статье доказывается, что единой и цельной «языковой картины мира» не существует, ее фрагменты явно противоречат друг другу. Статичная, данная человеку при рождении «языковая картина мира» является умозрительно-идеологическим построением. Нельзя говорить о единой «языковой картине мира», поскольку язык находится в перманентном развитии, а рамки языковой системы постоянно преодолеваются в речи. Показана явная избыточность термина «концепт», так как дефиниция термина «понятие» по сути идентична определению «концепта». По мнению автора, за тем, что в российской лингвокультурологии именуется лингвоконцептами, скрываются этнические авто- и гетеростереотипы, лежащие в основе этноцентризма и национальных предрассудков. Автор приходит к выводу, что личность не может быть среднестатистической, да еще и усредненной на совершенно произвольном и недекларируемом основании. В статье приводится перечень того, чему могло бы посвятить себя современное лингвистическое направление, которое обратилось бы к изучению реальных дискурсов, а не придуманных «ключевых концептов» или «этнических менталитетов».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвокультурология; лингвоконцептология; гипотеза Сепира — Уорфа; неогумбольдтианство; «языковая картина мира»; «языковой менталитет»; этностереотип; концепт; «национальный характер»; этнические авто- и гетеростереотипы; понятие; дискурсивный анализ.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Прожилов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан); адрес: 655000, г. Абакан, ул. Ленина, 94, ауд. 301; e-mail: prosh-p@yandex.ru.*

В вып. 3 (49) за 2014 г. журнала «Политическая лингвистика» была опубликована статья С. Г. Воркачева «Лингвокультурная концептология и ее терминосистема» [Воркачев 2014], значительное место в которой занимает полемика с авторами сборника статей «От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках „этнической ментальности“» [От лингвистики к мифу 2013] (далее Сборник), названного автором «Антилингвокультурологическим манифестом». Поскольку я являюсь одним из авторов данного Сборника [Прожилов 2013б: 263—277], хотелось бы остановиться на некоторых положениях статьи С. Г. Воркачева, тем более что у читателей, не знакомых с содержанием Сборника, на основании упомянутой статьи может сложиться превратное представление как о его содержании, так и о позициях и аргументации авторов.

Прежде всего вызывает недоумение утверждение С. Г. Воркачева о том, что якобы «критический „отпор“ российской лингвокультурологии и, соответственно, лингвоконцептологии пришёл оттуда, откуда его меньше всего можно было ожидать: от представителей западной и „эмигрантской“ лингвистики» [Воркачев 2014: 13]. Это не соответствует действительности хотя бы потому, что автора данной статьи нельзя причислить ни к первой, ни ко второй категории. Кроме того, целенаправленная критика в адрес лингвокультурологии звучит в том числе и со стороны других представителей российской лингвистики [См.: От лингвистики к мифу 2013: 23].

В 2010 г. С. Г. Воркачев подчеркивал, что «лингвоконцептология, как и лингвокультурология, представляет собой чисто автохтонное, российское образование, циркулирующее исключительно в русскоязычном научном пространстве» [Воркачев 2010: 16]. В данной же статье [См.: Воркачев 2014: 16] автор уже пишет об «антропологической лингвистике» (anthropological linguistics) — западном аналоге российской лингвокультурологии, базовой составляющей и в некотором роде «вторым именем» которой является лингвоконцептология. С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку в «антропологическую лингвистику» включают такие направления, как дескриптивизм (descriptive linguistics), историческая лингвистика, социолингвистика и этнолингвистика. В качестве западного аналога российской лингвокультурологии выступает этнолингвистика (Анна Вежбицка, Гай Дойчер [См.: Deutscher 2011], Лера Бородицки [См.: Boroditsky 2001] и др.). Обстоятельный критический анализ данного неогумбольдтианского направления представлен в работах Стивена Пинкера [См.: Пинкер 2004: 40—60; Pinker 2007: 113—135] и Джона Мак-Уортера [См.: McWhorter 2014], в их терминологии этнолингвистика — «неоуорфианизм» (Neo-Whorfianism).

Странным представляется также и следующее суждение С. Г. Воркачева: «В сборнике про-

© Прожилов А. В., 2015

сматривается явная тенденциозность подборки иллюстративного материала: анализируются по большей части халтурно-эпигонские работы, свидетельствующие лишь о научной малограмотности и нечистоплотности их авторов, а также о крайней снисходительности диссертационных советов, принимающих такие работы к защите. Анализ добросовестно и профессионально выполненных лингвокультурологических работ, в которых есть то, отсутствием чего наделяется лингвокультурология (опрос информантов — „полевые исследования“, использование данных корпусной лингвистики, дискурс-анализ), здесь практически не представлен» [Воркачев 2014: 15]. На самом деле в Сборнике подвергнуты критическому анализу десятки работ лингвокультурологов и лингвоконцептологов, включая ведущих представителей данных направлений — А. Вежбицкой, С. Г. Тер-Минасовой, С. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. Д. Шмелёва, И. Б. Левонтиной, В. А. Масловой, В. И. Карасика, Ю. А. Рылова, самого автора приведенной цитаты, С. Г. Воркачева. Неужели перечисленные авторы — малограмотные, нечистоплотные халтурщики-эпигоны?

Удивителен и следующий пассаж: «В то же самое время непомерное количество халтуры отнюдь не свидетельствует о несостоятельности научной дисциплины — скорее наоборот, это следствие ее популярности и значимости» [Воркачев 2014: 15]. На наш взгляд, «непомерное количество халтуры» — это как раз свидетельство шаткости теоретических основ и базовых понятий лингвокультурологии и легкости приобретения научных степеней и ученых званий на основе работ типа «Концепт X в лингвокультуре (концептосфере) Y».

С. Г. Воркачев пишет: «Критика лингвокультурологии ведется с идеологических позиций: отрицается аксиоматика лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, это — миф, фикция, конструкт, imagined community по Бенедикту Андерсену. Соответственно, объективно не существует национального самосознания, национальной идентичности, национальной специфики, национального характера и менталитета и, конечно, языковой этноспецифики» [Воркачев 2014: 14]. Хотелось бы попросить С. Г. Воркачева указать точные страницы в Сборнике, где он это прочитал. В действительности же никто из авторов Сборника не отрицает ни существования этноса/нации, ни народа как объективной данности, ни национального самосознания, ни национальной идентичности или национальной специфики. В Сборнике лишь указывается на то, что понятия этноса, нации, народа многими лингвокультурологами и лингвоконцептологами не различаются. А вот словосочетания «национальный характер (национальный менталитет, национальная ментальность, этническая ментальность)» действительно, по нашему мнению, бессодержательные мифологемы, оперирование которыми в качестве терминов в научном дискурсе недопустимо (подр. об этом ниже).

Под понятием «этнос» и близким ему по значению понятием «народ» (рамки данной статьи не позволяют провести более четкую дифференциацию) понимается «межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием» [Всемирная энциклопедия: Философия 2001: 1279]. Причем проживающие на одной территории и говорящие на одном языке группы людей не всегда считают себя одним народом. Так, проживающая в Республике Татарстан и соседних областях говорящая на диалекте, близком литературному татарскому языку, этноконфессиональная группа «кряшены» (крещеные татары) считает себя отдельным народом. Вероисповедание, традиции, обычаи, ономастика сближают кряшен с окружающим русским населением. Но ни татарами, ни русскими они себя не считают. Самосознание у них кряшенское. Следовательно, даже на основании этого ни о какой «татарской лингвокультуре или концептосфере» не может быть и речи.

Нация же — «широко распространенное в науке и политике понятие, которое обозначает совокупность граждан одного государства как политического сообщества. Отсюда понятия: „здоровье нации“, „лидер нации“, „национальная экономика“, „национальные интересы“ и пр. В политическом языке нацией иногда называют просто государства. Отсюда понятие „Организация Объединенных Наций“ и многие термины в сфере международных отношений. Члены нации отличаются общегражданским самосознанием (напр., американцы, британцы, испанцы, китайцы, мексиканцы, россияне), чувством общей исторической судьбы и единого культурного наследия, а во многих случаях — общностью языка и даже религии» [Новая философская энциклопедия 2010: 41]. И здесь лингвокультурологи и лингвоконцептологи сталкиваются с неразрешимым противоречием. Возьмем, к примеру, китайскую нацию, объединяющую десятки народов. Государствообразующий народ Китая «хань» говорит на китайском языке [См.: Китайский язык 2015], в котором выделяется 10 диалектных групп: северная супергруппа (бэй, самая многочисленная — свыше 800 млн говорящих), группы цзинь, хой, у, сян, гань, хакка, юэ, пинхуа и супергруппа минь, общение между которыми весьма затруднительно, вплоть до полного непонимания. То есть китайский язык — это целая языковая группа. И о какой же китайской «лингвокультурной концептосфере» можно вообще говорить? С. Г. Воркачев считает, что «концепт „слон“ в индийской лингвокультуре, очевидно, представляет собой вполне достойный объект исследования, как концепт „бык“ в культуре испаноязычной» [Воркачев 2014: 15]. И как же автор представляет себе такое исследование? Да, несомненно, индийская нация существует, обладает национальным самосознанием, имеет национальную идентичность и национальную специфику. Но вот как быть с «индийской лингвокультурой», если «в Индии говорят на 447 различных языках, 2000 диалектах» [Список языков Индии: 2015]?

Лингвоконцептологи (в том числе С. Г. Воркачев) в своих работах оперируют термином «языковой менталитет», под которым понимается «совокупность специфически национальных мировоззренческих, психологических и поведенческих

установок языковой личности как усредненного представителя множества носителей языка, зафиксированная в семантической системе последнего» [Воркачев 2014: 17].

А. В. Павлова отмечает, что «в работах по лингвокультурологии постоянно читаешь про „англичан“, „американцев“, „русских“ и проч. — так, как если бы речь шла о собрании каких-то среднестатистических, или усредненных, личностей. При этом нигде не сказано, по каким критериям население страны „усредняется“ до некоего среднестатистического фантома. Что делать, например, с теми англичанами или немцами, которые по своим воззрениям и предпочтениям резко отличаются от этой „среднестатистической“ картины? Но может быть, речь идет о статистике? Можно было бы, конечно, утверждать, что в случае, если 80 процентов всего населения Германии любит порядок, то слово Ordnung представляет собой „ключевое слово“ немецкой культуры. А для 20 процентов оно не входит в „культурный код“, так как порядок для них важной жизненной ценностью не является. Но ведь таких статистик нет, и никто их не составляет. Просто пишут: высшей ценностью для немцев является порядок. С таким же успехом можно было бы утверждать, что высшей ценностью для новозеландцев являются деньги. Или птица киви. Кто проверит? Из-за „усреднения“ населения, говорящего на одном или, во всяком случае, условно одном национальном языке, до некоего фантома, именуемого „русским человеком“, „англичанином“, „немцем“ и т. д., собственно живые люди из рассмотрения полностью исключаются. Поэтому заявляемый лингвокультурологией „антропологический принцип“ как поворот к человеку и его когнитивной деятельности остается голословной декларацией. Личность не может быть среднестатистической, да еще и усредненной на совершенно произвольном и недекларируемом основании» [Павлова 2015]. И действительно, презумпция существования совокупности взглядов народа как единой и монолитной идеальной сущности, приведение множества носителей языка к общему знаменателю напоминает стрижку всех под одну гребенку или фиксацию средней температуры по больнице.

Научное обоснование подводится лингвокультурологами и под словосочетание «национальный характер» (напомним: синонимы — «национальный менталитет», «национальная ментальность», «этническая ментальность»). Мы уже подробно рассматривали эту тему в ряде статей [См.: Прожилов 2013б: 268—269; Прожилов 2014: 82—85]. Приведем некоторые фрагменты. Лингвисты всерьез обсуждают, каким научным содержанием наполнен данный термин. В некоторых трудах авторы делают попытку отделить национальную ментальность от национального характера; для них это не одно и то же: «Существует национальный менталитет — национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Ср.: американец при виде разбогатевшего человека думает: „богатый — значит умный“; русский же в этом случае обычно думает: „богатый — значит вор“. Понятие „новый“ у американца воспринимается как „улучшенный, лучший“, у русского — как „непроверенный“. Таким образом, национальный менталитет представляет собой национальный способ восприятия и понимания действительности на базе присутствующих в национальном сознании стереотипов, готовых мыслей, схем объяснений явлений и событий, механизмов каузальной атрибуции. Это стереотипы *сознания*. *Национальный характер* — это психологические стереотипы *поведения* народа» [Стернин 2003: 24—25]. Авторы настолько убеждены в том, что определенные стереотипы сознания и поведения свойственны всем без исключения представителям одного народа (при этом не уточняется, какую сущность предлагается понимать под «народом»: например, «американцы» — это все граждане США, или это только англоязычные граждане США, или это не обязательно граждане США, но любые англоязычные люди, проживающие в США; должны ли они проживать в США с рождения, или достаточно, чтобы они прожили там лет 15—20, и т. д.), что даже не считают необходимым проверять свои теоретические выкладки экспериментальным путем или привлекать иные системы подтверждений. Они уверены, что доподлинно знают, о чем именно подумает каждый представитель «народа» при том или ином стимуле. Иными словами, российские лингвисты активно занялись мифотворчеством.

Нам представляется абсолютно недопустимым терминологическое использование в научном дискурсе словосочетания «национальный характер» и синонимичных ему выражений: под этим «концептом» подразумеваются психические свойства не отдельного индивида, а целой группы людей, часто очень большой. Группа имеет общую культуру (реакции, модели поведения, систему ценностей, символы, обычаи и т. п.). Из общности культуры нельзя делать вывод об общности (и специфичности) психического склада составляющих группу (в том числе нацию, народность, этническую группу) индивидов. Те черты, которые мы воспринимаем как специфические особенности «национального характера», т. е. общенациональной культуры (а особенностей этих в целом немного, если не принимать за них этностереотипы), — это продукт определенных исторических условий и культурных влияний. Они производны от истории и изменяются вместе с нею, причем меняются быстро и постоянно. А уже вслед за ними, обычно с заметным отставанием, меняются и соответствующие стереотипы. Так, в начале XVIII в. в Европе многие считали, что англичане склонны к революции и перемене, тогда как французы казались весьма консервативным народом; 100 лет спустя мнение диаметрально изменилось. В начале XIX в. немцев считали (и они сами разделяли это мнение) непрактичным народом, склонным к философии, музыке и поэзии и малоспособным к технике и предпринимательству. Произошел промышленный переворот в Германии — и этот стереотип стал безнадежным анахронизмом. История каждого народа, в особенности история больших современных наций, сложна и противоречива [См.: Кон 1971: 122—158]. И черты культуры в каждый отдельный период времени в этностереотипах не выражаются и этностереотипами не отражаются.

Эти выводы подтверждаются результатами недавнего репрезентативного исследования, проведенного международной группой из 65 исследователей [См.: Terracciano 2005: 96—105]. В проекте «Личностные профили культур» («Personality Profiles of Cultures», PPOC) студентов колледжей и университетов из 49 различных культур или субкультур просили описать типичного представителя их культуры. В большинстве изученных культур личностный профиль типичного представителя культуры не коррелировал с усредненным профилем оцениваемых личностных черт людей той же самой культуры. Например, русские оценивали своего типичного соотечественника как более открытого для нового опыта, чем респонденты любых других 48 национальностей, но когда их просили оценить личностные черты реального русского, которого они хорошо знали, средние оценки открытости были даже ниже кросс-культурного среднего уровня. Результаты данного исследования оказались неожиданными для социальных психологов. «Тот факт, что представления о национальном характере не отражают зеркально актуально измеренные личностные характеристики и, возможно, не содержат даже „зерна правды“, довольно трудно переварить, поскольку представления, касающиеся собственной национальности или своих соседей, кажутся вполне заслуживающими доверия и основанными на неопровержимых свидетельствах» [Аллик 2009: 4—5].

Были проведены дополнительные исследования. Так, в опросном исследовании, в котором предлагалось оценить личностные черты типичного русского, живущего в их регионе, участвовали три тысячи семьсот пять человек, включенных в 40 различных выборок из 34 регионов по всей территории Российской Федерации. Исследование проводилось с помощью Опросника национального характера с 30 пунктами (National Character Survey, NCS). Был сделан вывод, что «степень согласия между отдельными респондентами относительно личностных черт типичного русского была меньше половины среднего согласия между двумя респондентами относительно конкретного человека, которого они знают хорошо. Профиль типичного русского был не очень сильно связан с оцениваемым профилем этнических русских » [Allik 2011: 13—14]. И еще одно примечательное наблюдение авторов: «Многие известные писатели и философы, от Фёдора Достоевского до Александра Солженицына и Николая Бердяева, высказывали свои взгляды о национальном характере русских. Сравнение этих эксплицитных стереотипов с оцениваемыми личностными чертами русских показало, что они вряд ли основаны на том, как описываются реальные русские люди» [Allik 2011: 13].

Группа из 52 ученых из разных стран под руководством Роберта Мак-Крэя (McCrae) [McCrae 2013: 831—842] из американского Балтимора продолжила исследования. Они попросили 3323 респондентов из 26 стран оценить личность соотечественников, например молодой жительницы Уганды или пожилого русского, на основе вопросов, позволяющих выявить 5 основных личностных черт, так называемую «Большую пятерку» (Big Five): экстраверсия, невротизм, уступчивость, добросовестность и открытость к новым впечатлениям. Степень выраженности этих качеств личности была выявлена в предыдущих исследованиях. С этой целью в нескольких странах было проведено соответствующее репрезентативное тестовое исследование. Сравнительный анализ показал: мнения респондентов о «национальном характере» соотечественников имеет мало общего с реальной действительностью.

Мартина Гржебичкова (Hřebíčková) [Hřebíčková 2014: 60—72] из Чешской академии наук провела опрос респондентов из Австрии, Чехии, Германии, Польши и Словакии с целью оценки личностных особенностей жителей соседних стран. В ходе анализа результатов было выявлено относительное единство оценочных суждений, что опять же имело мало общего с реальной действительностью. Авторы объясняют это тем, что оценочные суждения о качествах личности иностранцев формируются на основе сомнительной логики. Так, жителей богатых стран считают более добросовестными. Хотя добросовестные, т. е. трудолюбивые и дисциплинированные люди, действительно более продуктивны, однако валовой национальный продукт страны зависит также от ее истории и многих других факторов. Кроме того, богатство является относительным. Поэтому жители из бедных стран считают американцев более добросовестными, чем граждане богатых стран.

Другие распространенные стереотипы, например, о канадцах также в итоге оказались ложными. Получилось, что профиль личности канадцев имеет большое сходство с жителями Индии и Буркина-Фасо и значительно отличается от профиля личности американцев.

Итак, можно констатировать, что наблюдаемые различия являются не более чем трендами или тенденциями, обусловленными самоидентификацией индивида с определенной национальностью, а не генотипическими различиями.

На недопустимость использования словосочетания «национальный характер» в лингвистическом научном дискурсе косвенно указывает и И. Б. Левонтина, когда утверждает: «Мы, лингвисты, ничего не говорим о том, каков русский человек» [Левонтина 2012]. Вероятно, она не считает лингвокультурологов, старательно перечисляющих свойства русского человека, лингвистами. Ее замечание тем удивительнее, что в книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира», написанной ею в соавторстве с А. А. Зализняк и А. Д. Шмелёвым, идея национальной исключительности выражена в формулировках: «Целый ряд слов отражает пресловутую „задушевность“ русского человека» [Зализняк 2005: 32); «Русский человек болезненно реагирует, когда ему кажется, что его попрекают» [Зализняк 2005: 36]; «Сама потребность „русской души“ в размахе требует простора» [Зализняк 2005: 74]; «Склонность к жалости осознается как специфически русская черта» [Зализняк 2005: 270] и т. д. Около сорока раз в кавычках и без кавычек в тексте и заголовках книги встречаются мифологемы *национальный характер*, *национальная ментальность*, *русское видение мира*, *русское мироощущение* и

русская душа как синонимы словосочетания *русская языковая картина мира.*

Таким образом, в любых якобы научных рассуждениях о «национальном характере» речь идет не о чертах национального характера, а об этнических стереотипах. А стереотипы тем и отличаются от научных подходов, что их в научных рассуждениях применять нельзя, иначе перед нами уже не наука, а псевдонаука, т. е. тексты вроде следующего: [Лингвист объяснил русский менталитет через слова 2015].

Одним из базовых понятий лингвокультурологии является восходящее к Лео Вайсгерберу понятие «языковая картина мира» (ЯКМ). Отвечая на нашу критику этого термина, С. Г. Воркачев пишет: «Языковая „картина мира“, как и любая его картина, — это, безусловно, метафора, но метафорическое происхождение термина не может служить основанием для отрицания его эвристической валидности: ведь никого сейчас не смущают такие когнитивные метафоры, как „корень слова“ или „языковая семья“. Конечно, языковых картин мира ровно столько, сколько существует на земле носителей языка, но все эти картины вполне успешно тем или иным образом типизируются и стереотипизируются, сводятся к какому-то одному знаменателю, общему для той или иной социальной, профессиональной и (почему бы нет?) этнической либо национальной группы» [Воркачев 2014: 13—14]. О «стереотипизации» и сведении носителей языка к какому-то одному знаменателю мы уже писали выше, а вот с тем, что метафорическое происхождение термина не может служить основанием для его отрицания, мы полностью согласны. Действительно, то, что поля в лингвистике или физике нельзя вспахать, не свидетельствует об их отсутствии. Употребление выражения «ЯКМ» в качестве научного термина в научном дискурсе неприемлемо отнюдь не потому, что оно метафорично, а по следующим основаниям.

Во-первых, единой и цельной «ЯКМ» не существует, ее фрагменты явно противоречат друг другу (*ехать на автобусе — в автобусе — автобусом*) и в картину не складываются. Кроме того, они же противоречат реальному восприятию событий: никто автобус, на крыше которого едут люди, себе не представляет, несмотря на предлог *на*; *горячее*, которое обычно подается в качестве обеда, вовсе не обязательно горячее: чаще оно тёплое; *директор* Мария Ивановна в нашем воображении всё-таки женщина, несмотря на ее обозначение существительным мужского рода. Отсутствие в немецком языке существительных, обозначающих *верх* и «*низ*», не означает, что немцы не ориентируются в пространстве. Если о каком-то явлении говорится, что его корни к чему-то восходят, то это не означает, что мы, произнося или слыша это, немедленно воображаем древесные корни, которые еще и растут вверх. Не нужно навязывать носителю того или иного языка представлений, которых у него нет.

Во-вторых, принципиальная возможность переформулировать любую мысль, выбрать для нее подходящую форму из целого набора вариантов, включая и те, которые не зафиксированы словарями, делает рассуждения о статичной, данной человеку при рождении «ЯКМ» умозрительно-идеологическими построениями.

В-третьих, язык находится в перманентном развитии, независимо от того, осознаем мы это или нет. Некоторое время внутренние, скрытые движения его не проявляются в его системе и рассматриваются как ошибки, небрежность, намеренное коверканье, словотворчество, поэтизмы, нарушающие норму странности. Но наступает момент, когда накопленное количество переходит в новое качество — и вчерашний язык перестает быть языком сегодняшним. Русский язык, каким он был двадцать лет тому назад, — это не нынешний русский язык. Изменились значения множества слов. Возникла масса новых лексем, и исчезла масса прежних. В настоящее время у людей разных поколений практически разные языки. Иногда им требуется переводчик, чтобы понять друг друга. Текст, написанный журналистом среднего возраста, молодые люди понимают лишь отчасти — и наоборот. Как можно всерьез говорить о единой «ЯКМ» «русского человека», если вчера она была одна, а завтра другая, и если она не совпадает у представителей различных социальных групп?

В-четвертых, рамки языковой системы постоянно преодолеваются в речи: лексемы комбинируются и означают в одном контексте не вполне то, что они обозначают в другом контексте; ad hoc создаются новые слова и выражения, окказионализмы и метафорика пронизывают нашу речь. Мы обмениваемся не словами и не граммемами, а смыслами. И переводим мы смыслы. А смысл — это актуализация тех или иных сем. Семный состав лексем принципиально подвижен; в речи реализуется далеко не всё, что есть в языке, поскольку языковые описания — это отвлеченная от текстов совокупность наиболее характерных и наиболее часто повторяющихся сем. В речи часть их отодвигается на задний план, а часть или, по крайней мере, одна сема, наоборот, актуализируется [Подр. см.: Павлова, Прожилов 2013: 84].

Лингвокультурология сложилась и выделилась в отдельную лингвистическую дисциплину на теоретическом основании гипотезы лингвистической относительности (ГЛО) (или неогумбольдтианства, или гипотезы Сепира — Уорфа): каждый язык навязывает тому или иному народу некоторое количество обязательных представлений о мире («ЯКМ»), поскольку выйти за границы своего языка при познании природы нельзя. Язык направляет мысль и не только фиксирует, но и определяет (детерминирует) культуру его носителей. ГЛО — форма солипсизма: нам ничего не дано знать о реальности, поскольку между нашим сознанием и реальностью стоит язык.

В отношении к гипотезе Сепира — Уорфа лингвокультурологи не единодушны. Часть из них считает, что, помимо ЯКМ, имеется еще когнитивная картина мира и что последняя шире языковой, поскольку некоторые понятия не имеют лексемных выражений. Примечательно, что допущение возможности концептуализации действительности вне слов гипотезе Сепира — Уорфа в корне противоречит, но ее адепты этого не замечают. Другая крайность представлена точкой зрения, в соответствии с которой язык не только

определяет пути познания и формирует культуру, но и предопределяет эмоциональную сферу: человек испытывает ту эмоцию, которую ему подсказывает родной язык. Свободы нет, следовательно, не только в мыслях, но и в чувствах; последние лингвоспецифичны и одновременно этноспецифичны, так как между языком и этносом лингвокультурология ставит знак равенства. Всем мировидением и мироощущением человека управляет его язык-демиург. Таким образом, человек предстает как существо не говорящее, а „говоримое“, как раб своего родного языка.

Непонятно, что означает положение гипотезы Сепира — Уорфа о влиянии языка на мышление и сознание. Некоторые исследователи пытаются переформулировать гипотезу, сделать ее более проверяемой. Так, С. Г. Воркачев выбирает для лингвоконцептологии «третий» (superlight) вариант: «язык, мышление и культура взаимосвязаны, однако связь эта факультативна и не линейна — реализуется не всегда, не везде и необязательно напрямую» [Воркачев 2014: 17]. Но здесь возникают вопросы. Когда эта связь реализуется? Почему в одних случаях эти связи возникают, а в других — нет? Почему в одних случаях связь прямая, а в других — косвенная? Список вопросов можно продолжить. Очевидно, что в такой расплывчатой, нечеткой формулировке ГЛО не может служить в качестве теоретической основы научной дисциплины.

Лингвокультурология вслед за когнитивной лингвистикой вводит в обиход новый термин — *концепт*. Ясности в определении этого термина нет, авторы друг другу противоречат. Создается впечатление, что практически у каждого лингвоконцептолога свое собственное определение «концепта». На это мы уже указывали в статье [См.: Павлова, Прожилов 2013: 81—84]. Вот одна из наиболее популярных дефиниций «концепта»: «Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова 2006: 24]. По этому определению представить себе, что такое концепт, затруднительно. Прежде всего, неясно, что такое «дискретное ментальное образование» и как выглядит его структура. Кроме того, неясно, что следует понимать под познавательной деятельностью общества и как она соотносится с познавательной деятельностью личности. Далее, вызывает сомнение указание на энциклопедичность информации. Вряд ли от обыденного сознания каждого познающего индивида можно ожидать постижения объектов действительности, равного по объему энциклопедическому описанию тех же объектов. На эти непроясненные вопросы указывает В. Б. Касевич в статье, посвященной анализу понятия «концепт» [См.: Касевич 2009: 14].

С. Г. Воркачёв указывает, что в дихотомии «значение — смысл» концепт соотносится со значением. Однако тут же разъясняет, что концепт — это вербализованный смысл [См.: Воркачёв 2001: 47—58]. В итоге вопрос остается открытым.

Ю. С. Степанов видит основание для различения концепта и понятия в том, что «понятие „определяется“, концепт же „переживается“» [Степанов 2007: 20] . Это расходится с определением понятия как с постижением объекта во всех его свойствах и качествах. Все свойства и качества включают и переживание.

В. И. Карасик считает концепт ментальной единицей, обязательно включающей ценностный элемент [См: Карасик 2002: 129] .

Вот еще одно определение концепта: «Можно сказать, что в лингвистической науке последних лет под концептом понимается обобщенный образ слова во всем многообразии его языковых и внеязыковых связей» [Михеева 2006: 18] . Что значит «обобщенный образ слова»? Обобщенный образ какого именно слова? Какой у слова имеется обобщенный образ?

Анализ различных трактовок понятия «концепт» во многих российских работах по когнитивной лингвистике подводит В. Б. Касевича к выводу: «... в тех случаях, когда вообще можно понять, о чем говорит автор, „это“ уже есть, и вместо попыток вводить новое понятие лучше было бы разобраться в старых. В частности, остается неясным отношение концептов к мышлению и сознанию, к языку, к понятиям, смыслам, ассоциациям, представлениям об апперцепции и ряду других категорий, издавна обсуждаемых в философии, психологии, логике. Пока соответствующие точки над i не поставлены, необходимость введения понятия концепта в когнитивную теорию, в когнитивную лингвистику не представляется безусловной» [Касевич 2009: 17].

Это касается в первую очередь лингвокультурологических работ. В российскую когнитивную лингвистику, а затем в лингвоконцептологию термин «концепт» был заимствован из англоязычных работ по когнитологии (cognitive science) и когнитивной лингвистике (Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми и др.). Принципиально новых элементов по сравнению с определением понятия, которое формулируется в лингвистических трудах долингвокультурологического периода как совокупность знаний о предмете во всем его многообразии и во всех его потенциях, в объеме концепта «концепт» не обнаруживается. В философии понятие определяется как «форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств» [Всемирная энциклопедия: Философия 2001: 801]. Данное определение совпадает с дефинициями лексемы «concept», приводимыми в толковых словарях английского языка. Так, словарь «Oxford Dictionary of English» определяет «concept» так: «(…) an idea or mental image which corresponds to some distinct entity or class of entities, or to its essential features, or determines the application of a term (especially a predicate), and thus plays a part in the use of reason or language» [Oxford Dictionary of English 2010: 260] / «…представление или мысленный образ, который соответствует некоторым отдельным объектам или классу объектов, или их существенным призна-

кам, или определяет употребление термина (особенно предиката), и таким образом участвует в мыслительной или речевой деятельности». Словарь «New Oxford American Dictionary» предлагает следующую дефиницию: «Concept — an idea or mental picture of a group or class of objects formed by combining all their aspects» [New Oxford American Dictionary 2010: 208] / «Представление или мысленный образ группы или класса объектов, сформированные посредством объединения всех их свойств» . Схожее определение данной лексемы дается и в словаре «Collins English Dictionary»: «(…) a general idea or notion that corresponds to some class of entities and that consists of the characteristic or essential features of the class» [Collins English Dictionary 2006: 180] / «… общее представление или категория, соответствующие некоторому классу сущностей, состоящих из характерных или существенных признаков класса». Таким образом, термин «концепт» явно избыточен. Лингвистика и так страдает от бесчисленных терминологических дубликатов.

По мнению С. Г. Воркачева, лингвокультурный концепт «в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, „погруженному“ в культуру и язык» [Воркачев 2014: 12]. Таким образом, в данной дефиниции «понятие» по сути идентично «концепту». С этим мы полностью согласны. Но вот стоит ли «погружать» понятие в культуру и язык? Как было показано выше, формула «Концепт X в лингвокультуре Y» отнюдь не является валидной. На наш взгляд, целесообразнее использовать принятый в традиционной лингвистике (напр. функциональной грамматике) алгоритм создания языковой онтологии: «Понятие (категория) X и средства его (ее) выражения (языковая онтология) в языке (языках) Y (Z)» или проводить типологические исследования.

Ложный логический вывод содержится и в следующем высказывании С. Г. Воркачева: «И если авторами сборника объективность существования национального характера ставится под сомнение, то существование этнических стереотипов, в которых, собственно, и отражаются представления о первом, признается очевидным фактом» [Воркачев 2014: 14]. Существование этнических стереотипов отнюдь не предполагает наличия «национального характера», как присутствие Бабы-яги в славянской мифологии не значит, что она действительно существует. Стереотипы в лингвистике нами рассмотрены в статье [См.: Прожилов 2013а: 78—82]. Остановимся подробнее на этнических стереотипах, представляющих собой разновидность социальных стереотипов.

Социальный стереотип выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению окружающей действительности, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Речь идет о вербализации различных социальных стереотипов (этнических, религиозных, гендерных, сексуальных, профессиональных, возрастных и некоторых других).

Социальные стереотипы стали предметом пристального внимания со стороны лингвокультурологии. Они превратились в ее теоретическую платформу, вкупе составив так называемый «национальный характер», или «этническую ментальность», научную обоснованность которых лингвокультурологи принимают за аксиому. Научную респектабельность эта дисциплина пытается обеспечить себе тем, что объявляет объектами своего изучения так называемые лингвоконцепты. Под видом таковых выступают понятия по большей части из сферы морали — например, *счастье*, *семья*, *Родина*, *долг*. Эти понятия лингвокультурологи трактуют как целиком зависящие от того самого «национального характера», в реальное существование которого они истово верят. По нашему мнению, за тем, что в российской лингвокультурологии именуется лингвоконцептами, скрываются этнические авто- и гетеростереотипы, лежащие в основе этноцентризма и национальных предрассудков. Для доказательства лингвоспецифичности концептов лингвокультурологи подбирают текстовые примеры, которые полностью подтверждают их собственные этностереотипы.

Это признают и некоторые лингвоконцептологи. Так, Е. А. Дженкова пишет: в то время как «в западной терминологии они именуются „типичными национальными клише“, они являются, с моей точки зрения, важнейшими культурными концептами, которые дают ключ к пониманию конкретной культуры» [Dshenkova 2004: 222]. Откровенное противопоставление «западной» и лингвокультурологической систем координат сопровождается простодушным предложением превратить этностереотипы в показатели национальной или этнической культуры. Е. А. Дженкова высказывает здесь то, что ее коллеги-лингвокультурологи делают, обычно не комментируя свои действия столь явно.

Этнический стереотип представляет собой «схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное (иногда одностороннее или неточное, искаженное) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе» [Крысько 2002: 133].

Вместе с тем, по мнению А. В. Павловой, со стереотипами нужно обращаться крайне осторожно: «…они присущи далеко не всем, далеко не в равной мере и потому вряд ли могут служить признаком общей национальной культуры. Принимать по умолчанию за истинный тезис: „Все носители одного национального языка мыслят одинаковыми стереотипами“, означает либо наивную, либо умышленную вульгаризацию реального соотношения социального и индивидуального» [Павлова 2013: 175].

Обращает на себя внимание однообразие этностереотипов. Так, в русском дискурсе практически отсутствуют стереотипы венгров, болгар и многих других народов Восточной Европы (за исключением, пожалуй, поляков и чехов), скандинавских народов (за исключением финнов). Есть стереотипы немцев, французов, итальянцев, англичан, но отсутствуют клишированные представления о португальцах, бельгийцах, голландцах. Не говоря уже о многочисленных народах Азии, Африки и Латинской Америки. Вопрос возникновения и степени распространенности стереотипов

в отношении одних народов и их отсутствия в отношении других требует специального исследования. Выскажем предположение, что стереотипы появляются относительно тех народов, которые либо находятся или находились в непосредственном контакте с русскими (жили в одном государстве — Российской империи или СССР), либо имеют или прежде поддерживали с ними тесные исторические связи (например, немцы и французы), либо «прославились» в мировом масштабе какими-либо культурными особенностями или традициями (например, чехи — пивом, бразильцы — футболом).

Этностереотипы довольно устойчивы, медленно изменяются во времени, репродуцируются из поколения в поколение и относительно независимы от реальности, для которой характерно состояние перманентной динамики.

Например, о немцах утвердилось представление как о людях законопослушных, любящих идеальную чистоту, порядок и дисциплину, что имеет мало общего с сегодняшней действительностью. Так, социолог и специалист по психологическому консультированию Х. Шлагетер на основе интервью с десятками домработниц-иностранок, работавших в немецких семьях, в своих книгах [См.: Polanska 2011; Polanska 2012] представил картину, абсолютно не вписывающуюся в расхожие стереотипы о немцах и диссонирующую с ними. Устные свидетельства бывших российских граждан, проживающих ныне в Германии, подтверждают этот диссонанс.

С. Г. Воркачев пишет, что «оценочное признание существования лингвокультурной специфики здесь квалифицируется как „лингвонационализм“ и чуть ли не „лингвофашизм“ [Воркачев 2014: 14]. Следует заметить, что термин «лингвофашизм» никто из авторов Сборника не употреблял.

Нельзя согласиться и с утверждением С. Г. Воркачева о том, что «гражданская война на Украине — пример лингвокультурной войны: защита носителями русского языка своей языковой и культурной идентичности» [Воркачев 2014: 14]. В какой мере кровавый конфликт на востоке Украины является «гражданской войной» и какую роль в его разжигании сыграли геополитические факторы — предмет отдельных исследований, выходящий далеко за рамки данной статьи. Но именовать его «лингвокультурной войной» представляется грубым упрощением. Здесь налицо антагонизм дискурсов — условно националистически-проевропейского западноукраинского и условно постсоветско-великодержавного восточноукраинского. Причем «разлом» дискурсов проходит далеко не всегда по линии языка. Большинство украинцев в повседневном общении пользуются русским языком или «суржиком» — смесью русского и украинского. И насущной задачей отечественных и украинских лингвистов должны стать не разжигание «лингвокультурной войны» под предлогом защиты носителей русского (украинского) языков, а социолингвистический и психолингвистический анализ этих дискурсов с целью демонстрации абсурдности и социальной опасности конституирующих их мифологем и пейоративных ярлыков и поиск путей их преодоления.

В заключение приведем предложенный редактором Сборника А. В. Павловой [См. Павлова 2015] небольшой перечень того, чему могло бы посвятить себя современное лингвистическое направление, которое обратилось бы к изучению реальных дискурсов, а не придуманных «ключевых концептов» или «этнических менталитетов». В национальных языках и диалектах есть как универсальное, так и специфичное — и в лексике, и в грамматике, и в интонации, и в фонетике. Как универсальное, так и специфичное подлежит изучению. Изучению подлежат также этностереотипы, причем методология изучения этих ментальных объектов уже давно предложена. Анализу должны быть подвергнуты способы создания собственного имиджа и образа «чужого». Это предмет научного направления, называемого «имагология». Важным объектом изучения должно стать влияние дискурса на восприятие, методы внушения и формирования мировоззрения через тексты. Работы такого рода появились уже в русле политической лингвистики, но влияние текстов на умонастроения и последующие поступки выходят далеко за рамки этого направления: суггестивными элементами пропитаны любые тексты, в том числе и бытовые диалоги, и научные статьи.

Изучать культуру народа, несомненно, нужно не через язык, который ничего к нашим изначальным знаниям о культуре не прибавляет, а через дискурс, причем только в историческом аспекте, по эпохам, а также в социальном аспекте (по субкультурам, научным, философским, эстетическим направлениям) и в разрезе функциональных стилей и жанров (публицистика, эссеистика, научный дискурс и проч.)

Именно в дискурсах разных эпох, направлений и жанров можно выделить «ключевые слова», которые несут важную семантическую нагрузку в рамках данного участка культуры. Критериями выделения ключевых слов могут являться как частотность для данного типа дискурса, так и эмоционально-суггестивная нагрузка, которую несет данное слово, а также его дистинктивная функция, позволяющая отделить данный дискурс от всех прочих и точно его опознать. Например, слова типа *майданутый* или *либераст*, типичные для современного политического дискурса антилиберального толка, могут и не быть наиболее частотными в данном дискурсе, но их оскорбительный потенциал столь высок, они столь точно выражают своими коннотациями взгляды их авторов и меру их агрессивности, а также столь ясно проводят границу между данным дискурсом и всеми прочими, что эти слова допустимо считать для данного дискурса ключевыми.

Кроме того, изучение дискурсов позволяет установить, какими коннотативными значениями обладали те или иные ключевые слова и целые выражения в зависимости от эпохи и субкультуры, в рамках которой создавался дискурс. Например, немецкие романтики вкладывали в слова *Genie*, *Freigeist*, *wandern* совсем иное значение, чем это описано в словарях. Эти слова для дискурса романтиков были ключевыми (наряду с некоторыми другими), но они, несомненно, и сегодня еще культурно нагружены, так как с ними еще

ассоциируется память о тех коннотациях и той давно ушедшей эпохе.

Изучение дискурсов в связи с культурой позволяет лучше понять исчезновение слов из языка или проблематику непереводимости там, где в двуязычных словарях переводной эквивалент имеется. Поскольку существительные *Volk* и *Vaterland* в Третьем рейхе были ключевыми для нацистского дискурса, они в современном немецком почти не употребляются, поэтому русское прилагательное *отечественный* перевести на немецкий очень сложно. Так же трудно перевести немецкое прилагательное *bürgerlich* в различных контекстах на русский: в немецком это слово коннотативно нейтрально, а его русский эквивалент *буржуазный* благодаря усилиям большевиков из-за резко отрицательных коннотаций практически перестал быть эквивалентом.

Одни и те же слова в дискурсах разных субкультур даже в одну эпоху могут иметь различные значения, вплоть до противоположных. Так, существительное *либерал* в дискурсе антикремлевской оппозиции имеет положительные коннотации, а в дискурсе прокремлевской субкультуры резко отрицательные (это практически бранное слово). То же касается *толерантности*.

Лингвоспецифические коннотации слов, которыми занимается сегодня этносемантика, возникли через дискурс, через конкретные употребления и конкретные тексты. Интереснее всего исследовать корни этих коннотаций. И здесь необходимо различать слова, которые объективно являются лингвоспецифичными, т. е. либо непереводимыми, либо переводимыми лишь условно (в основном это реалии), и слова, которые таковыми лишь представляются. Последние образуют автостереотипы. Например, слово *авось*, вне всякого сомнения, воспринимается носителями русского языка как свое, специфичное, уникальное и непереводимое, — несмотря на то, что существует множество способов его абсолютно точного перевода в текстах. Именно уверенность носителей языка, что *авось* — слово уникальное, составляет его основную коннотацию. Немцы уверены, что непереводимыми и сугубо специфичными словами в их языке являются *gemütlich*, *schadenfroh*, *Heimat*, несмотря на то что переводчикам не приходится испытывать затруднений при переводе этих лексем, в то время как с большим трудом переводятся вовсе другие слова того же языка — например, *Geborgenheit* или *gönnen*. Всё это — вехи автоимажинации, творения образа своей культуры, автостереотипы. Таким образом, слова-автостереотипы и слова реально лингвоспецифичные необходимо четко отличать друг от друга. И это, несомненно, большое и интересное поле деятельности, практически еще не паханное. Для того, чтобы знать, что переводимо и что непереводимо и на какие языки, необходимо тесное сотрудничество с переводчиками с самых разных языков. Иначе все теоретические построения и утверждения о лингвоспецифичности будут либо плодом воображения, либо выводами, которые ничем не подтверждаются, кроме (часто довольно слабого) знания одного-двух иностранных языков самим лингвистом.

Вообще дискурс автоимажинации чрезвычайно интересен для изучения, так же как и дискурс, создающий образ «чужих». В русской культуре этот дискурс резко поменялся буквально за последние пару лет; особенно глубокие изменения произошли весной-летом 2014 г., когда власти стали упорно муссировать тему внешнего врага, а народонаселение в большинстве своем эту инициативу с готовностью поддержало. Сменился «тон», изменился набор ключевых слов, способов представления объектов и тем.

Плодотворным представляется и изучение нелингвистических дискурсов, в которых творится образ «своего» языка. Ему приписываются те или иные свойства, авторы пускаются в рассуждения в духе нынешней лингвокультурологии, причем делают прямо противоположные заключения на основании одних и тех же языковых фактов. Такого рода дискурс дилетантов от языкознания еще никем не исследован.

Антропологический подход, декларируемый лингвокультурологией, весьма далекой от этого подхода, должен выражаться в изучении восприятия и порождения речи. Здесь возможны самые разные опросы и эксперименты — например, по восприятию ошибок в лексике или грамматике (порог чувствительности), по осмыслению текстов разными поколениями или представителями разных социальных слоев, по созданию собственных текстов и изучению активного запаса слов и многие другие. Таким образом, научной дисциплине, которая вполне могла бы называться «лингвокультурология», если бы это название не оказалось дискредитировано, явно было бы чем заняться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аллик Ю. и др.* Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 2—18.

2. *Воркачев С. Г.* «Куда ж нам плыть?» — лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда / Воронеж. госуниверситет. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. Вып. 8. С. 5—27.

3. *Воркачёв С. Г.* Концепт счастье: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47—58.

4. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 12—20.

5. *Всемирная энциклопедия: Философия* / главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов.—М. : АСТ ; Минск : Харвест : Современный литератор, 2001.

6. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М. : Языки славянской культуры, 2005.

7. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс.— Волгоград : Перемена, 2002.

8. *Касевич В. Б.* Концепт «концепт» // Научные чтения — 2007 : материалы конф. [ПЛО]. — СПб., 2009. С. 12—17.

9. *Китайский язык*. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki_Китайский_язык (дата обращения: 03.02. 2015).

10. *Кон И. С.* К проблеме национального характера // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. — М. : Наука, 1971.

11. *Крысько В. Г.* Этническая психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Академия, 2002.

12. Левонтина И. Б. Лингвистический оптимизм // Матрица русской культуры: миф? двигатель модернизации? барьер? — М., 2012. С. 165. URL: http://www.svop.ru/public/docs_2012_5_15_1340277724.pdf (дата обращения: 02.02. 2015).
13. *Лингвист объяснил русский менталитет через слова.* URL: http://www.adme.ru/articles/lingvist-obyasnil-russkij-mentalitet-cherez-slova-422555/ (дата обращения: 02.02.2015).
14. *Михеева Л. Н.* Время как лингвокультурологическая категория : учеб. пособие.— М. : Флинта : Наука, 2006.
15. *Новая философская энциклопедия* / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; Науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. — М. : Мысль, 2010. Т. 3.
16. *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»* : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. — СПб. : Антология, 2013.
17. *Павлова А. В.* Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. — СПб. : Антология, 2013. С. 160—240.
18. *Павлова А. В., Прожилов А. В.* От понятия к «концепту». Бесконечный тупик лингвокультурологии // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова : политематический науч. журн. 2013. Вып. 4. С. 79—90.
19. *Павлова А. В.* Лингвокультурология — «за» и «против» // Przegląd WschodnioeuroPejski Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2015 (в печати, предоставлена автором).
20. *Пинкер С.* Язык как инстинкт : пер. с англ. / общ. ред. В. Д. Мазо. — М. : Едиториал УРСС, 2004.
21. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. — Воронеж : Истоки, 2006.
22. *Прожилов А. В.* К вопросу о стереотипах в лингвистике // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова: политематический научный журнал. 2013а. Вып. 6. С. 78—82.
23. *Прожилов А. В.* Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. — СПб. : Антология, 2013б. — С. 263—277.
24. *Прожилов А. В.* Национальный характер или этнический стереотип. К вопросу о терминах и мифологемах // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова: политематический научный журнал. 2014. Вып. 7. С. 82—85.
25. *Список языков Индии.* URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Список_языков_Индии.
26. *Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М. : Языки славянских культур, 2007.
27. *Стернин И. А.* Очерк английского коммуникативного поведения. — Воронеж : Истоки, 2003.
28. *Allik J. et al.* Personality profiles and the «Russian Soul»: Literary and scholarly views evaluated / J. Allik // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Apr. Vol. 42, № 3. P. 372—389.
29. *Boroditsky L.* Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conception of Time // Cognitive Psychology. 2001. № 43. P. 1—22.
30. *Collins English Dictionary*. 8th Complete and Unabridged Edition. — New York : HarperCollins, 2006.
31. *Deutscher G.* Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages. — New York : Metropolitan Books, 2011.
32. *Dshenkova E.* Konzept — rein kognitive Einheit oder kulturelles Phänomen? // Ost-West Perspektiven. Institut für Deutschlandforschung. Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur. Bochum, 2004. Bd. 3. S. 215—223.
33. *Hřebíčková M., Graf S.* Accuracy of national stereotypes in Central Europe: Outgroups are not better than ingroups in considering personality traits of real people // European Journal of Personality. 2014. № 28/1. P. 60—72.
34. *McCrae R. et al.* The inaccuracy of national character stereotypes // Journal of Research in Personality. 2013. № 47/6. P. 831—842.
35. *McWhorter J. H.* The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language. — New York : Oxford Univ. Pr., USA, 2014.

A. V. Prozhilov
Abakan, Russia

**LINGUOCULTURAL CONCEPTOLOGY:
TRIUMPHANT ASCENT OR RUNNING IN "LANGUAGE CIRCLES"?**

ABSTRACT. *The article deals with the critical analysis of the scientific schools of linguo-culturology and linguo-conceptology, which are centered around the idea that a national language is a source of information about the culture and mentality of the people speaking the given language. The article illustrates the inadequacy of methodological foundations of these schools which employ the hypothesis of linguistic relativity, which hasn't reached the status of a theory as it has not been sufficiently proved. The terms "liguo-concept", "linguistic worldview", "national character" and "linguo-mentality" are regarded in the article critically. The author calls the readers not to use them terminologically as they have nothing to do with science. The article argues that uniform and integral "linguistic worldview" doesn't exist, its fragments obviously contradict each other. The static, genetically inherited "linguistic worldview" is a speculative and ideological construction. It is impossible to speak of a uniform "linguistic worldview", because language is in a permanent state of development, and the boundaries of language system are constantly being crossed in speech. The article demonstrates the redundancy of the Russian term "kontsept", as the definition of this term is essentially identical to the definition of the term "ponyatiye". According to the author, what is referred to in Russian linguistics as "lingvokontsepty" are actually words used to camouflage ethnic auto- and heterostereotypes underlying ethnocentrism and national prejudices. The author concludes that a person cannot be statistically average, and moreover be averaged on a completely random and undeclared basis. The article contains a list of objects that could be approached by a contemporary trend in linguistics which turns to the study of real discourse rather than imaginary "kluchevyye kontsepty" and "etnicheskiye mentalitety".*

KEY WORDS: *linguo-culturology; linguo-cultural conceptology; Sapir-Whorf hypothesis; Neo-Humboldtianism; "linguistic worldview"; ethnic stereotypes; "kontsept"; "national character"; ethnic auto- and heterostereotypes; concept; discourse analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Prozhilov Alexander Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Khakas State Katanov-University (Abakan, Russia).*

LITERATURE

1. Allik Yu. i dr. Konstruirovanie natsional'nogo kharaktera: svoystva lichnosti, pripisyvaemye tipichnomu russkomu // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2009. № 1. S. 2—18.
2. Vorkachev S. G. «Kuda zh nam plyt'?» — lingvokul'turnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda / Voronezh. gosuniversitet. — Voronezh : NAUKA-YuNIPRESS, 2010. Vyp. 8. S. 5—27.
3. Vorkachev S. G. Kontsept schast'e: ponyatiynyy i obraznyy komponenty // Izv. RAN. Seriya lit-ry i yazyka. 2001. T. 60. № 6. S. 47—58.
4. Vorkachev S. G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya i ee terminosistema (prodolzhenie diskussii) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 12—20.
5. Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya / glavn. nauch. red. i sost. A. A. Gritsanov.—M. : AST ; Minsk : Kharvest : Sovremennyy literator, 2001.
6. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005.
7. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs.— Volgograd : Peremena, 2002.
8. Kasevich V. B. Kontsept «kontsept» // Nauchnye chteniya — 2007 : materialy konf. [PLO]. — SPb., 2009. S. 12—17.
9. Kitayskiy yazyk. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki_Kitayskiy_yazyk (data obrashcheniya: 03.02. 2015).
10. Kon I. S. K probleme natsional'nogo kharaktera // Istoriya i psikhologiya / pod red. B. F. Porshneva i L. I. Antsyferovoy. — M. : Nauka, 1971.
11. Krys'ko V. G. Etnicheskaya psikhologiya : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. — M. : Akademiya, 2002.
12. Levontina I. B. Lingvisticheskiy optimizm // Matritsa russkoy kul'tury: mif? dvigatel' modernizatsii? bar'er? — M., 2012. S. 165. URL: http://www.svop.ru/public/docs_2012_5_15_1340277724.pdf (data obrashcheniya: 02.02. 2015).
13. Lingvist ob"yasnil russkiy mentalitet cherez slova. URL: http://www.adme.ru/articles/lingvist-obyasnil-russkij-mentalitet-cherez-slova-422555/ (data obrashcheniya: 02.02.2015).
14. Mikheeva L. N. Vremya kak lingvokul'turologicheskaya kategoriya : ucheb. posobie.— M. : Flinta : Nauka, 2006.
15. Novaya filosofskaya entsiklopediya / In-t filosofii RAN, Nats. obshch.-nauch. fond ; Nauch.-red. sovet: preds. V. S. Stepin, zamestiteli preds.: A. A. Guseynov, G. Yu. Semigin, uch. sekr. A. P. Ogurtsov. — M. : Mysl', 2010. T. 3.
16. Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoy mental'nosti» : sb. st. / sost. A. V. Pavlova. — SPb. : Antologiya, 2013.
17. Pavlova A. V. Svedeniya o kul'ture i «etnicheskom mentalitete» po dannym yazyka // Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoy mental'nosti» : sb. st. / sost. A. V. Pavlova. — SPb. : Antologiya, 2013. S. 160—240.
18. Pavlova A. V., Prozhilov A. V. Ot ponyatiya k «kontseptu». Beskonechnyy tupik lin-gvokul'turologii // Vestn. Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova : politematicheskiy nauch. zhurn. 2013. Vyp. 4. S. 79—90.
19. Pavlova A. V. Lingvokul'turologiya — «za» i «protiv» // Przegląd WschodnioeuroPejski Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2015 (v pechati, predostavlena avtorom).
20. Pinker S. Yazyk kak instinkt : per. s angl. / obshch. red. V. D. Mazo. — M. : Editorial URSS, 2004.
21. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka. — Voronezh : Istoki, 2006.
22. Prozhilov A. V. K voprosu o stereotipakh v lingvistike // Vestn. Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova: politematicheskiy nauchnyy zhurnal. 2013a. Vyp. 6. S. 78—82.
23. Prozhilov A. V. Lingvokontseptologiya, neogumbol'dtianstvo i etnostereotipy // Ot lingvistiki k mifu: lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskakh «etnicheskoy mental'nosti» : sb. st. / sost. A. V. Pavlova. — SPb. : Antologiya, 2013b. — S. 263—277.
24. Prozhilov A. V. Natsional'nyy kharakter ili etnicheskiy stereotip. K voprosu o terminakh i mifologemakh // Vestn. Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova: politematicheskiy nauchnyy zhurnal. 2014. Vyp. 7. S. 82—85.
25. Spisok yazykov Indii. URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_yazykov_Indii.
26. Stepanov Yu. S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.
27. Sternin I. A. Ocherk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya. — Voronezh : Istoki, 2003.
28. *Collins English Dictionary*. 8th Complete and Unabridged Edition. — New York : HarperCollins, 2006.
29. *Deutscher G.* Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages. — New York : Metropolitan Books, 2011.
30. *Dshenkova E.* Konzept — rein kognitive Einheit oder kulturelles Phänomen? // Ost-West Perspektiven. Institut für Deutschlandforschung. Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur. Bochum, 2004. Bd. 3. S. 215—223.
31. *Hřebíčková M., Graf S.* Accuracy of national stereotypes in Central Europe: Outgroups are not better than ingroups in considering personality traits of real people // European Journal of Personality. 2014. № 28/1. P. 60—72.
32. *McCrae R. et al.* The inaccuracy of national character stereotypes // Journal of Research in Personality. 2013. № 47/6. P. 831—842.
33. *McWhorter J. H.* The Language Hoax: Why the World Looks the Same in Any Language. — New York : Oxford Univ. Pr., USA, 2014.